

Когда он только вернулся в Малагу, ситуация, казалось, была такой же.

Но всего за один сезон он уже преобразился до неузнаваемости.

В то время, пока Мулис был без сознания, старый Мулис тщательно ощупывал тело сына и обнаружил, что оно стало гораздо крепче, чем раньше. На его ладонях, кончиках пальцев ног, подъёмах и пятках были толстые мозоли — следы жестоких тренировок.

Там, где старый Мулис не видел, он, должно быть, приложил невообразимые усилия.

С обмороком Мулиса кое-что всплыло на поверхность.

Старый Мулис сидел рядом с сыном, который снова уснул, и смотрел на его безмятежное лицо. Обычно добродушный толстяк, чья улыбка напоминала улыбку Будды Майтрейи, сейчас смотрел с невыразимой скорбью и горечью.

Вечером Мулис настоял на том, что с ним всё в порядке, и заявил, что хочет домой. Завтра новогодний вечер, и старый Мулис не хотел, чтобы его сын встречал его в больнице. Но болезнь нагрянула так внезапно, что старый Мулис надеялся, что это станет для него поводом отдохнуть несколько дней.

Врач, видя, что состояние стабильное, разрешил выписку.

Мулис ни словом не обмолвился о своей болезни, но старый Мулис был полон тревожных мыслей.

В тот день, убрав посуду, он зашёл в комнату сына. Мулис читал толстую книгу на незнакомом языке, похожем на китайский. Китайские иероглифы сильно отличаются от иностранных; хотя старый Мулис не умел их писать, он знал кое-что от китайских туристов и болельщиков и мог немного объясняться на китайском.

А ещё в прошлом году Мулис расчистил заваленную хламом комнату и превратил её в свой кабинет. Обычно он там не читал, но за несколько месяцев — меньше чем за год — на больших книжных стеллажах появилось множество книг.

Старый Мулис заходил туда: в основном книги по баскетболу, футболу, бейсболу, а также по военному делу и литературе. Раньше он не знал, что его Чена так широко эрудирован, ведь он был из тех, у кого от чтения голова болит.

— Читаешь?

— Мхм, — Мулис не просто листал книгу, а каждый абзац сверял со словарём.

Встречая важные места, он помечал их ручкой и делал пометки на полях.

— Это оригинал на китайском?

— Ага.

— И ты всё это понимаешь?

— Читаю очень медленно. Уже год, кое-что понимаю, но много незнакомых слов приходится смотреть в словаре.

— О чём это?

— Об ушибах, растяжениях, переломах и повреждениях сухожилий.

— Врачебная книга?!

— Не совсем, но там описаны способы приготовления мазей от ушибов и растяжений. Мне показалось интересным, решил попробовать научиться.

Больше всего в Мараге восхищались не только игрой её короля, но и его искусством приготовления пластырей.

Старый Мулис слышал об этом, но по большей части не верил. Ведь он знал своего Чену: когда он успел этому научиться? А эти мази, наверное, он доставал откуда-то ещё. Но за всё это время он не видел, чтобы у него были какие-то неизвестные друзья или чтобы он с кем-то тайно общался.

Постепенно старый Мулис запутывался всё больше.

— Научился, просто читая книгу? Какой же у меня Чена умный.

Мулис взглянул на толстяка и пожал плечами:

— Пробовал два месяца, только начал понимать. До этого по ошибке замешал не те ингредиенты, чуть ногу не...

Мулис вовремя замолчал, но было уже поздно.

— Что ты сказал? Что за ингредиенты? Что значит «чуть не»? Что случилось?

Мулис отвернулся, не собираясь ничего объяснять.

— На этот раз ты обязан мне рассказать!

— ...

— И ещё: та авария, в которую ты попал, когда играл в третьем дивизионе, — почему ты никогда мне о ней не рассказывал?

Мулис изумлённо поднял голову.

— Думал, ты сможешь вечно это от меня скрывать? Врач сказал, что у тебя был шок. Неудивительно, что я гадал, почему ты больше не водишь машину.

Старый Мулис дрожал от гнева. Раньше сын рассказывал ему обо всём. А теперь он обнаружил,

что столько всего о нём не знает, что сын держит его в неведении.

— Твоя внезапная госпитализация показалась мне странной. Я пошёл к врачу, а он спросил, не было ли у пациента недавно потрясения, например, аварии. Я раньше не спрашивал, куда делась твоя машина, почему ты не пригнал её обратно в Малагу. Только позвонив твоим друзьям из клуба третьего дивизиона, я узнал, что вскоре после возвращения в Реал ты куда-то поехал и попал в аварию. Машина всмятку, сам ты чудом выжил, выпрыгнув на ходу.

Слушая это, старый Мулис едва не лишился чувств.

Этого парня нужно как следует расспросить. Сколько же он от него скрывает? На этот раз он должен всё узнать!

Он, его отец, был как дурак: видел только успехи сына, но не ведал, сколько опасностей и лишений тот пережил.

Мулис потёр лицо. На вопросы старого Мулиса ему было нечего ответить.

— Решай сам. Если сегодня не расскажешь, я так и буду здесь сидеть. — Хотя старый Мулис обычно был приветлив и улыбчив, если уж упрямылся, переубедить его было невозможно.

— ... — Прошло целых пять минут, прежде чем Мулис тихо вздохнул. — Я не рассказывал тебе не потому, что не хотел. Просто некоторые вещи я и сам не очень хорошо помню.

— Что это значит?

— Ты знаешь, что я выпрыгнул из машины, но не знаешь, что в тот день я много выпил, сел пьяным за руль и чуть не разбился. Вернувшись домой, я, пьяный, рухнул в бассейн и едва не утопил жизнь, которую только что спас...

Когда Мулис только попал сюда, он помнил лишь, что Чена Мулис, напившись, упал в бассейн. После этого Байли Чжан стал Ченой Мулисом.

Старый Мулис судорожно вздохнул.

От пережитого ужаса он несколько раз со всей силы ударил сына кулаком, не обращая внимания на то, что тот только что выписался из больницы!

— Дважды за один день стоять на пороге смерти. И дважды смерть не забрала меня, отпустила. Знаешь, что я тогда чувствовал? Меня вышвырнули из первой команды Реала во второй дивизион, а потом и там не нашлось места, пришлось играть в третьем. Вы все называли меня гением, и я сам считал себя баловнем судьбы, который однажды станет ярчайшей звездой футбола.

Но нет. Всё, с чем я столкнулся, — это жестокая реальность. Моя гордость была растоптана неудачами, вся уверенность рассыпалась в прах. Снова выходя на поле, я не мог сдержать страха и желания убежать. Потому что я боялся очередного провала и насмешливых взглядов.

И это было не из-за других, а из-за моего собственного бессилия и малодушия.

Губы старого Мулиса дрожали. Неужели он ничего этого не знал?

Что пережил его Чена в те годы?

Он видел лишь закат его карьеры. Разве он ведал о том давлении, которое сын выносил в душе, и о тех вещах, что тот впервые произнёс вслух?

— Упав в бассейн, я долго барахтался, думая, что это конец. Перед глазами вспыхнул белый свет, и осталось только сожаление. Моя футбольная мечта и... толстяк ты мой, все желания, которые я хотел исполнить, — ни одно не сбылось.

Старый Мулис сжал руку сына. Сам не заметив, он уже плакал навзрыд.

— Очнувшись, я понял, что жив. Я прижал руку к груди, слушая бешеное биение сердца и ту неистовую радость, что хлынула из глубины души, — я понял: я хочу жить! С того самого мгновения я поклялся стать сильным, навсегда порвать с прошлым Ченой Мулисом!

Человек, переживший смерть, чего ему ещё бояться?

— И не только: после того случая передо мной, забитым негативом и унынием, будто распахнулось окно. Может быть, я потерял часть памяти, а вместе с ней — множество лишних мыслей. Я понял, чем должен заниматься дальше: сосредоточиться, вложить всю страсть в свою мечту. Без колебаний, без страха, глядя только на мяч и выбивая из всех сил и с полной самоотдачей свой, мулисовский футбол. Я хочу, чтобы все знали: Чена Мулис — футбольный гений. Пусть он сталкивался с трудностями и терялся, но никто не посмеет преуменьшить его дар и талант...

Эту длинную речь Мулис произнёс почти без пауз, спокойным голосом, и лицо его почти не изменилось. Но только глаза — сияющие, полные жизни глаза — поразили старого Мулиса до глубины души.

Ибо за всё время, что Мулис вернулся в Малагу, лишь в этот миг старый Мулис почувствовал, что его сын вернулся.

Раньше Чена всегда громко говорил о своей мечте.

Что станет величайшим футболистом, будет играть с тем-то и тем-то, завоюет больше титулов для Сборной Испании и своего клуба — мадридского Реала.

В те времена Чена, казалось, весь футбольный мир лежал у его ног, глаза его горели ослепительно!

Но перед ним сидел сын с poker-фейсом, подавляющий все эмоции, более невозмутимый и рассудительный, чем шестидесятилетний старик.

Всё это казалось старому Мулису чужим.

Но этот взгляд — именно этот сияющий взгляд — он знал, это его Чена!

Человек может измениться до неузнаваемости, но что-то, заложенное в костях, не меняется.

Разница в том, что Чена повзрослел: его мечта больше не застревает на языке, а врезалась в сердце и плоть, сжигая всю страсть в отчаянной борьбе, без страха и сомнений!

Пережив жизнь и смерть, Чена Мулис прозрел.

Он чувствовал себя чужим по отношению к себе прошлому, но ясно видел себя будущего.

Это хорошо.

А ещё Мулис рассказал толстяку, что в футбольном мире много выдающихся игроков. Чтобы стать лучшим, нужно не только упорно тренировать технику, но и овладеть всеми знаниями, связанными с футболом.

Он хорошо понимал, что его телосложение не самое выдающееся: сила, скорость, взрывная мощь, дриблинг и тактика — хотя база неплохая, выделиться этого недостаточно.

Он не заводил друзей, не ходил в бары, не предавался удовольствиям — отбросил все желания и сосредоточился на оттачивании мастерства.

За последние четыре года сверстники ушли далеко вперёд. Чтобы догнать и перегнать их, он должен был вкладывать вдвое, втрое больше усилий.

Он начал читать книги по стратегии и другим видам спорта. Это обогатило его мышление: он смешивал несоединимые вещи, создавая свои футбольные козыри, постепенно формируя собственный стиль.

И этого мало: каждый день он запирался в тренировочном зале на пять-шесть часов, а в свободные дни — до одиннадцати-двенадцати. Не пропускал пробежки круглый год. Изучал записи матчей соперников, собирал разведданные.

А медицинские книги о травмах, рассказал Мулис толстяку, он начал читать во втором и третьем дивизионах, где часто пропускал матчи из-за повреждений. Для него это были важнейшие игры и возможности; результаты и так были неважными, а частые травмы быстро истощили терпение тренера.

Травмы — главный враг спортсмена. Сам пострадавший, он видел много талантливых игроков, покинувших поле из-за травм. Он не хотел, чтобы однажды та же причина заставила его проститься с зелёным газоном. Поэтому, как бы ни был плотен график тренировок, он читал соответствующие книги, чтобы лучше защитить себя.

Да-да, сначала он спешил и ошибался.

Зная, что хочет сказать старый Мулис, Мулис успокоил его: искусство пластырей уже освоено,

экспериментов на себе больше не будет. Таких опасных вещей он тоже не повторит.

Мулис добавил, что, привыкнув ко всему этому, он находит процесс интересным. Раньше он заставлял себя, а теперь наслаждается им.

Эти слова чуть расслабили старого Мулиса, у которого до этого всё лицо было напряжено.

Он должен был убедиться, что сын получает удовольствие от спорта. Если бы оно приносило в основном боль...

Нет, старый Мулис знал: сейчас Мулис счастлив. Потому что, когда речь заходит о футболе, свет в его глазах не скрыть.

Это самый живой цвет на свете!

— Очень жаль, что последние год-два я вёл такую «пресную» жизнь. Я думал только о том, как стать лучше, и забыл, каким был прежний Мулис. — Мулис произнёс это с оттенком сожаления.

Все сокровенные мысли и все вопросы старого Мулиса нашли ответ в этом разговоре.

Старый Мулис уставился на сына. При мысли о том, что его Чена столько лет нёс этот груз в одиночку, ему хотелось поколотить этого паршивца.

Но взглянув на его сегодняшние успехи, словно говорившие, что все жертвы были не напрасны, он понял: его сын шаг за шагом идёт к своей цели.

Крепкие объятия!

Кхм-кхм~

Лёгкие Мулиса чуть не вылетели от мощных хлопков старого Мулиса, но вскоре он застыл.

Потому что услышал, как старик смеётся.

Было непонятно, смеётся он или плачет. И горечь, и гордость.

А яркий огонь в глазах Мулиса, которого обнимал старый Мулис, внезапно погас.

Безупречная история, иначе истолкованная и понятая правда, — всё шло по его сценарию.

Он справился.

Актёрское мастерство на высоте.

Это было то, что он умел лучше всего, просто раньше ему не приходило в голову применять это к толстяку.

Слушая, как толстяк, обнимая его, то плачет, то смеётся от искренней радости, будто заново

обрёл целый мир, Мулис почувствовал, как в погасших глазах снова затеплился свет.

Тот свет, что принадлежал нынешнему Мулису.

Свет, которым он освещал только тех, кого хотел осветить.

Гордость, умиление, горечь, нежность — нахлынувшие чувства переполняли старого Мулиса.

А сын в его объятиях, судя по его нынешнему характеру, давно уже не позволял ему так долго себя обнимать.

На этот раз старик его не отпускал.

Сначала Мулис терпел, изо всех сил сдерживаясь.

Но когда сопли и слёзы мокрым потоком потекли ему на шею, он с отвращением оттолкнул толстяка.

— Хватит! Я иду в душ! — Мулис схватил халат и бросился в ванную, словно спасаясь бегством.

— Вот паршивец, совсем не милый!! — донеслось из-за спины сквозь смех и слёзы старого Мулиса.

Тучи, сгущавшиеся последние дни, наконец рассеялись.

Мулис вышел из ванной. В комнате он был один.

Он устало рухнул на кровать, прислушиваясь к звукам, доносящимся из кухни, и медленно закрыл глаза.

Пусть он всё просчитал, если результат хорош для них обоих, его это не волнует.

Слово «хороший» ему не подходит, мягкосердечие и жалость — не его стиль.

Но он твёрдо решил быть хорошим сыном для толстяка.

Раз уж решил, Мулис не будет колебаться и сомневаться.

В этот день он очень устал. Лёг в постель и не вставал; натянул одеяло и вскоре провалился в сон.

Перед сном старый Мулис по обыкновению заглянул в комнату сына. Увидев, что одеяло придавлено телом, он осторожно вытащил его и укрыл Мулиса.

И не удержавшись, погладил сына по голове.

Такой послушный, когда спит.

Два дня назад Мулис провёл в больнице и пропустил важный праздник.

А именно — 28 декабря, «День невинных младенцев», своего рода апрельский день дурака в декабре. Самое забавное и приятное в череде этих праздников: в этот день можно беззастенчиво дурачить других.

Говорят, в этот день случилось много забавного, но Мулис был занят «просчётом» своего толстяка и узнавал об этом потом от других.

Каждый год в этот день многие футбольные звёзды и СМИ любят придумывать безобидные розыгрыши, чтобы повеселиться, а потом выбирают самую смешную шутку.

В соцсетях Фабрегас подшутил над защитником Барселоны Пике: «Поздравляю Пике с дублем в одном матче. Сеньор Пике станет отцом двоих детей».

Эта новость заставила испанские СМИ поверить, что Шакира беременна двойней.

В футбольном мире много звёзд любят отношения, где женщина старше.

Пике влюбился в латиноамериканскую поп-диву Шакиру, которая на десять лет старше его, и она тоже была покорена защитником Барселоны.

До этого СМИ считали, что Шакира беременна, и после слов Фабрегаса даже поверили. Но потом Фабрегас сам признался, что это была шутка.

Расставшись с девушкой, с которой дружил с детства, Фабрегас тоже влюбился в женщину на одиннадцать лет старше — Даниэлу Семанн, у которой была одиннадцатилетняя дочь и девятилетний сын. Влюбившись, они пылали страстью.

Хотя многие осуждали и поносили эти отношения, сами влюблённые были счастливы и неразлучны.

Ещё один футболист, любящий женщин постарше, — это партнёр Пике по Сборной Испании, вице-капитан Реал Мадрида Рамос.

Раньше ему приписывали романы со многими зрелыми женщинами, и когда у Пике и Фабрегаса появились столь возрастные жёны и разразилось столько слухов, Рамоса тоже не забыли.

И тут СМИ вдруг осознали: ах да, вице-капитан Реала Серхио Рамос уже почти полгода не замешан ни в каких скандалах.

С тех пор как расстался с предыдущей девушкой Роминой, Шуй Е находился в простое: не то что скандалов, даже свиданий с незнакомками почти не было.

Конечно, однажды американская бульварная пресса писала, что во время товарищеского матча Рамос романтично обнимался на пляже с голливудской актрисой Билианной, но эта новость долго не продержалась; максимум — мимолётный роман между футболистом и актрисой.

И вот некоторые бульварные газеты начали гадать: может, Серхио Рамос всё ещё не забыл Ромину? Составляя список всех, с кем Рамос встречался за последние полгода, они обнаружили фигуру, которую никак нельзя было игнорировать.

А именно — короля Малаги Чену Мулиса.

<http://bllate.org/book/18722/1809914>